

13. Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 193.
14. См.: Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997.
15. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Эко У. Имя Розы. СПб.: Симпозиум, 1999. С. 636.
16. Семенчев В. М. Физические знания и законы диалектики. М.: Мысль, 1973. С. 172.
17. Деррида Ж. О грамматиологии. М., 2000. С. 248-263.
18. Борн М. Физика в жизни моего поколения. М., 1963. С. 229.

**Марина Григорьевна КАРЫМОВА —
заведующая сектором электронного
каталога информационно-библиотечного
центра Тюменского госуниверситета**

УДК 141+802.0-73

ГИПЕРТЕКСТ В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

АННОТАЦИЯ. В статье проведен анализ развития гипертекстуальности как способа философского мышления конца XX в. Специфика развития и процветания гипертекста в постмодернистском сознании представлена на примере западноевропейского постструктурализма, семантики, а также размышлениями российских культурологов.

The author focuses upon the analysis of hypertextual progress as the way of philosophical conception of the end of the XXth century.

The specificity of hypertextual development and its links with the postmodern theories are viewed within the context of Western and Russian postmodern philosophical ideas including both cultural and semantic aspects.

Эпоха постмодернизма не отделима от понятия «нелинейность». Гипертекст, разрушающий детерминированность и однозначность сообщения, оказался инструментом, чрезвычайно «созвучным» этой эпохе и наиболее адекватно описывающим новые взаимоотношения с реальностью. Так, по мнению М. Визеля, именно этот инструмент способен объединить «духовную активность» цивилизации автокоммуникативного типа, в которую мы входим, с классической цивилизацией «сообщения» [1].

Постмодернизм — одно из направлений современной философии, искусства и науки. Уже в 1980-е гг. постмодернизм стал претендовать на выражение общей теоретической надстройки современного искусства, философии, науки, политики, экономики, моды и т. д.

В основу постмодернизма положен принцип деконструкции (Деррида), язык бессознательного (Лакан), дизоанализ (Делез), а также концепция «открытого» текста (семиотика Эко). Это направление утверждает экуменически-безличное понимание искусства как единого бесконечного текста, созданного совокупным творцом [2]. Важнейшая идея, выдвинутая постструктуралистами, гласит: «**Мир (сознание) — это текст**», множественность истины, истина как возможность не-истины, представленной в симулякрах, деконструкция культурного интертекста. Постструктурализм во главе с постмодернизмом меняют взгляд на историю человечества, лишая ее линейности (обязанности линейной последовательности прошлого, настоящего и будущего — неизменной привилегией настоящего времени, упрощенно-вульгарными представлениями о прогрессе и светлом будущем), жесткого детерминизма, предзаданности, закрытости, завершенности и в конечном счете — тотальности, противопоставляя ему принцип нелинейности, многовариантности, открытости. История для современной философии — это открытое пространство бесконечных трансформа-

ций, интерпретаций. Таким образом, современная философия взяла на вооружение все (или практически все) принципы гипертекстовой технологии.

Сравнительный анализ определений «гипертекст» и «постмодернизм» помогает увидеть их несомненную связь.

Гипертекст — это представление информации как связанной сети гнезд, в которой читатели свободны прокладывать путь нелинейным образом. Он допускает возможность множественности авторов, размывание функций автора и читателя, расширение работы с нечеткими границами и множественность путей чтения (Определение взято с сайта «Электронный лабиринт», полностью посвященного проблеме гипертекста).

Известный американский критик Ихаб Хассан, давая одну из самых четких характеристик постмодернизма, называет ряд следующих его признаков:

- 1) неопределенность, культ неясностей, ошибок, пропусков;
- 2) фрагментарность и принцип монтажа;
- 3) «деканонизация», борьба с традиционными ценностными центрами;
- 4) «все происходит на поверхности», отсутствие психологических и символических глубин;
- 5) «мы остаемся с игрой языка, без Эго»: молчание, отказ от мимесиса (подражания) и изобразительного начала;
- 6) положительная ирония, утверждающая плюралистическую вселенную;
- 7) смешение жанров, высокого и низкого, стилевой синкретизм;
- 8) театральность современной культуры, работа на публику, обязательный учет аудитории;
- 9) срастание сознания со средствами коммуникации, способность приспособляться к их обновлению и рефлексировать над ними.

Эти признаки хорошо соотносятся с указанными выше в определении свойствами гипертекста: 1-й, по классификации Хассана, признак находит свое выражение в нелинейности и размывании границ, 2-й и 4-й суть не что иное, как прыжок, а 7-й, 8-й и особенно 9-й — выражают то же самое, что разнородность и мультимедийность [3].

Примечательно отметить, что примерно в 80-е гг. нашего столетия термин «гипертекст» в сугубо филологическом смысле употреблял известный структуралист-нарратолог Жерар Женетт в своей классической книге «Палимпсестъ», рассуждая о различных видах интертекстуальных связей. Однако термин «гипертекст» в рамках концепции Женетта имел более узкое значение, нежели в позднейших компьютерных разработках генетической критики, где он становится ключевым словом.

Примерно в то же время новый тип текстуальности нащупывают и постструктуралисты. Ролан Барт в «S/Z» определяет свой идеальный текст — письмо следующим образом:

«Такой идеальный текст пронизан сетью бесчисленных, переплетающихся между собой внутренних ходов, не имеющих друг над другом власти; он являет собой галактику означающих, а не структуру означаемых; у него нет начала, он обратим; в него можно вступить через множество входов, ни один из которых нельзя признать главным; вереница мобилизуемых им кодов теряется где-то в бесконечной дали, они «не разрешимы» (их смысл не подчинен принципу разрешимости, так что любое решение будет случайным, как при броске игральных костей); этим сугубо множественным текстом способны завладеть различные смысловые системы, однако их круг не замкнут, ибо мера таких систем — бесконечность самого языка» [4].

У Теда Нельсона (одного из ведущих теоретиков в области гипертекстовых технологий) — это «куски» текста, а у Барта — «лексии», «сема»:^{*}

^{*} Сема — минимальная единица содержания в языке.

«Мы станем членить исходное означающее на ряд коротких, примыкающих друг к другу фрагментов, которые назовем лексиями. <...> ...ее протяженность, устанавливаемая эмпирически, будет зависеть от плотности коннотаций, неодинаковой в различных местах текста. Всякий новый метод, едва оформившись, проявляет тенденцию «распространять себя» на факты, появившиеся задолго до него» [5]. Таким образом, мы видим бесконечный текст — игру, в которой нет начала и нет конца, текст, который ты волен читать, следуя своему влечению, а не указке автора. Это текст, где смыслом является «бесконечность».

Важно отметить вклад французского философа Ж. Деррида в развитие идеи нелинейности. Он один из первых заговорил о новом типе книги, основанном на нелинейном принципе ее организации. Деррида уверен, что в предстоящую эпоху нелинейное письмо станет реальным фактом культуры, лишив монополии линейный текст, книгу. Тем самым, по мысли философа, подрывается тотальность, которую несет в себе книга традиционного типа. Вместе с другими постструктуралистами Деррида разрабатывает нелинейный, многомерный способ философствования, несовместимый с косностью, узостью, догматизмом, тоталитаризмом в сфере мышления, противящийся попыткам подавить жизнь идеями [6].

Другой французский философ — Жан Бодриар придумал понятие гиперреальности. Для того чтобы понять, что такое гиперреальность, В. П. Руднев предлагает отождествить реальность с текстом, а текст построить как гипертекст — получится гиперреальность [7].

Бодриар утверждает, что мы уже живем в гиперреальности. Масс-медиа, бесконечные пересекающиеся потоки информации создают впечатление, что кто-то нажимает и нажимает различные кнопки, а мы только успеваем «рот разевать». Мы перекатываемся, как при шторме на корабле, из одного конца гипертекста в другой. Например, Бодриар считал, что войны в Персидском заливе зимой 1991 г. между Ираком и США в обычном «реальном» смысле не было. Это была гипертекстовая война, вся «посаженная» на дисплей компьютеров и экраны видеопроекторов. Это не мистика — это особая метафизика гиперреальности, сон наяву, если угодно [8].

Современное человечество, по наблюдению Эко, разделилось на две группы: на тех, кто смотрит телевизор, то есть получает готовые образы и суждения о мире без права критического отбора информации, и тех, кто смотрит на экран компьютера и способен отбирать и обрабатывать информацию. Тем самым в культуру вернулось существовавшее прежде разделение на тех, кто способен читать рукопись и, следовательно, критически осмысливать религиозные, научные и философские вопросы, и тех, кто воспитывается исключительно посредством образов [9].

Компьютер, по сравнению с телевидением, предоставляет возможность более интеллектуальной коммуникации, развивает элементарную грамотность и учит работать с текстовым материалом, то есть, так или иначе, выводит на передний план печатный текст. В этом смысле Гутенберг живет и в Интернете. Но, вместе с тем, коренным образом меняется способ построения текстового пространства — на смену одномерному тексту приходит многомерный электронный гипертекст. Именно эта качественная трансформация самой природы текста указывает на вхождение в постгутенбергову эру — текст более не может мыслиться исключительно в качестве линейно выстроенного, имеющего определенную направленность, структуру и границы, то есть, он становится воплощением постмодернистского мироощущения.

Итак, в чем же заключается специфика гипертекста, сделавшая его востребованным эпохой постмодернизма? Если обычный текст является линейным и двигаться в его пространстве возможно только в направлениях, ограниченных одной плоскостью, то ризоморфный гипертекст открывает новые «поперечные» измерения в текстовом универсуме. Читая книгу, мы не можем покинуть ее пределов, при этом не расставаясь с ней. Когда ее содержание вынуждает обратиться к другим источни-

кам, то нам приходится отложить один текст, уйти за рамки его пространства и переключить свое внимание на другой, такой же принципиально одномерный и территориально ограниченный текст. Гипертекст полностью меняет ситуацию. Применяемый во всемирной паутине язык html (Hypertext Markup Language) обеспечивает мгновенный переход от одного текста к другому, причем, для этого не нужно покидать пространство исходного текстового поля: стоит указать на снабженное гиперссылкой слово или предложение — и перед вами связанный с ним текст, первоначальный текстовый фрагмент при этом не исчезает, а лишь уходит на некоторое время на второй план. Текст, не теряя своих пространственных очертаний, обретает иное измерение, где он становится в буквальном смысле бесконечным, ведь от одной ссылки можно двигаться к другой и так далее без конца. Характерно, что переключаться таким образом можно на текстовые нарративы совершенно иного рода — пути, по которым ведут нас ссылки, непредсказуемы.

В этом смысле способ организации текста в сети Интернет соответствует основным идеям **номадологии**, разработанным Делезом и Гваттари в «Тысяче поверхностей». Если рассматривать, с точки зрения номадизма, текстовые пространства, то можно утверждать, что постгутенберговская вселенная подобна бескрайней степи кочевников, а галактика Гутенберга — расчерченной стенами, границами и дорогами территории оседлых народов. Человек, находящийся на просторах Интернета, в определенной степени становится номадом — кочевником, населяющим пространство, метки которого постоянно смещаются вместе с его трассой. Обитатель сети сращен с пространством так же, как и номад, только его мир не степь, а гиперреальность, в которой и проходят его бесконечные путешествия. Он двигается и одновременно остается на своем месте — подобно кочевнику, он путешествует сидя, но не в седле коня, а в кресле за компьютером. Таким образом, созданные в гипертекстовом формате нарративы особым образом конструируют, а точнее деконструируют, текстовые структуры и способы их прочтения: от территориально ограниченной и линейно выстроенной книги мы переходим к номадическим ризоморфным детерриторIALIZED информационным системам.

Если далее рассматривать гипертекст в контексте постмодернистской философии, можно обратить внимание на его **интертекстуальность**. Данное понятие интертекстуальности, введенное в 1967 г. Юлией Кристевой и ставшее впоследствии одной из основных топик постмодернизма, имеет ряд значений. В узком смысле интертекстуальность означает включение одного текста в другой, но в практике постмодернизма этот термин получил более пространное толкование. Интертекстуальность, понимаемая в широком смысле, означает размывание границ текста, в результате которого он лишается законченности и закрытости, становится внутренне неоднородным и множественным. Примечательно, что нигде данный феномен не находит столь исчерпывающего воплощения, как в гипертекстах сети Интернет. Интернет с полным правом можно назвать великим интертекстом эпохи постмодерна.

Какие бы мы не взяли признаки интертекстуальности — цитатность, децентрированность, безграничность, деперсонализация автора — все они являются неотъемлемыми характеристиками текстовых нарративов сети, а значит гипертекста. Очевидно, что цитатный подход заложен в саму основу гипертекста — ссылки есть не что иное, как указатели на смежные тексты, высказывания, источники и т. п., одним словом — цитаты в той или иной ипостаси. Также не вызывает сомнения, что гипертекст децентрирован по своей природе — стержневая идея неизбежно рассеивается в бесконечности кросс-референтных ссылок. Что касается безграничности гипертекста, то масштабы виртуального пространства глобальной сети говорят сами за себя — электронный космос не знает никаких границ и барьеров. Специфическим образом в гипертекстовом пространстве выявляется такая характеристика интертекстуальности, как деперсонализация автора.

В самом общем плане растворение автора в Интернете, так же как и в любом тексте, осуществляется в соответствии со схемой, предложенной Бартом в знаменитом эссе «Смерть автора» [10]. Теоретик постструктурализма утверждает, что в произведении «говорит» не автор, а язык, и поэтому читатель слышит голос не автора, а текста, организованного в соответствии с правилами «культурного кода» своего времени и своей культуры. В этом смысле гипертексты глобальной сети являются скорее «надличными» созданиями постмодерновой культуры, чем творениями автономных индивидов. Сама технология ссылок предполагает «множественность» авторов, то есть делает невозможным существование безотносительного, обособленного, замкнутого текста. В глобальной сети именно ссылки определяют онтологический статус текста, ибо лишенный их он становится невостребованным и умирает, затерявшись в информационном океане Интернета. Таким образом, становится очевидным, что деперсонализация автора определяется перекрестной структурой гипертекста.

Уже из вышеприведенного краткого обзора специфики гипертекста становится очевидным, что по своей сущности он представляет сугубо постмодернистский феномен. В принципах его организации находят воплощение практически все основные мировоззренческие установки постмодерна — плюрализм, децентрация, фрагментарность, интертекстуальность. Постмодернистский электронный гипертекст по своей сути противоположен модернистскому печатному тексту, это — не «компьютерная игрушка», а неотъемлемая и закономерная часть переживаемой нами эпохи, и в данной ситуации уже можно говорить о своеобразной субкультуре гипертекста.

По мнению О. В. Баранова, субкультура гипертекста столь же насквозь мифологична, как и любая другая, и ее нужно рассматривать непременно с точки зрения определенной условности. Первоисточники, авторы идей, терминов и концепций условны почти до той же самой степени, как и сам реальный виртуальный гипертекст. Как и в любой, а в особенности молодой отрасли, создателям гипертекста свойственно моделировать свой дивный мир, наделяя его собственной историей и легендами, населяя его своими персонажами. Стремясь утвердить гипертекст в мире на равных с прочими ценностями (как, скажем, театр, наука или классическая литература), исследователи и приверженцы его уже сформировали целый культурный пласт, где есть свои пророки (В. Буш ...), предтечи (Джойс, Набоков, ...), гуру (Нельсон, Деррида...), святые (Бахтин...), священное писание (*As We May Think*), элементы культа (*memex, link, net...*). Серьезные критические и исследовательские работы отнюдь не стремятся обособить гипертекст, выделяя его из литературных традиций, напротив, всячески прослеживают и утверждают его фундамент, базируясь на связях, традициях и преемственности. Сеть сгенерировала в своих недрах немало количество как прозаических, так и поэтических текстов, породивших в свою очередь мегабайты критических статей, исследований в области теории гипертекста и даже целые университетские курсы, подкрепленные практикой [11].

Гипертекстовая литература получила развитие почти исключительно на Западе не только по техническим причинам, как это обычно принято считать. Доступность компьютеров, программного обеспечения и выход на мировые информационные источники такие, как World Wide Web — все это играет существенную, но быть может, не решающую роль. В большой степени появление гипертекстовой субкультуры с ее стремлением расширить в творчестве либеральные ценности, привнести в него расплывчатость выбора и хаотичность свободы весьма естественно и отражает объективные процессы в жизни общества. Мир тихо поворачивается от обязательной свободы в сторону свободы толерантной, поливариантной, фрактальной.

В заключение отметим, что среди множества достоинств гипертекста одно очевидное — гипертекст заведомо неагрессивен. Предоставляя новые огромные возможности для расширения творчества, он одновременно ничего не отвергает и не

опровергает, он не входит ни в какое противоречие с уже существующими традициями и методами, вбирая их в себя как частный случай и во многом развивает старые идеи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Визель М. Последние романы Итало Кальвино как образцы гипертекста [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.gals2000.newmail.ru/Vizel.htm>.
2. Культурология XX век: Энциклопедия. Т. 2. СПб.: Универс. кн., 1998. С. 130-131.
3. Визель М. Последние романы Итало Кальвино как образцы гипертекста ... Там же.
4. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: семиотика, поэтика / Барт Р. М., 1989. С. 384-391.
5. Визель М. Последние романы Итало Кальвино как образцы гипертекста ... Там же.
6. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 1999. С. 26.
7. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М., 1998. С. 71.
8. Там же. С. 72.
9. Бражников И. Умберто Эко был здесь [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://proxy.uiggm.nsc.ru/cw/1998/21/45.htm>.
10. Барт Р. Смерть автора Там же. С. 384.
11. Баранов О. В. Гипертекстовая субкультура // Знамя. 1997. № 5. С. 204-205.